

ДЖЕЙ ЭШЕР

ВОЛШЕБНЫЙ СВЕТ

Забудь о логике. Логика не подскажет,
чего ты хочешь на самом деле.

Джей Эшер

Волшебный свет

Серия «Настоящая сенсация!»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8502146
Волшебный свет/ Джей Эшер: Астрель; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-099637-7*

Аннотация

У Сьерры целых две жизни. Одна в Орегоне, где ее семья выращивает рождественские ели. А вторая – в Калифорнии, куда они уезжают каждый год накануне праздников, ведь там находится главный елочный базар. А еще у нее есть прекрасные подруги и интерес ко всему, что происходит вокруг.

У Калеба одна жизнь. И ее не назовешь простой. Несколько лет назад он совершил огромную ошибку, за которую до сих пор расплачивается. Сьерра и Калев очень разные, но их встреча происходит в самое волшебное время года, когда сердца полны надежд, а чудеса реальны.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвертая	29
Глава пятая	40
Глава шестая	52
Глава седьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джей Эшер

Волшебный свет

Кому:

*Джоан Мари Эшер,
Исايе Эшеру и Кристе Дезир,
трем волхвам, дары приносящим,
из сказания о Рождестве;
Деннису и Джони Хопперам
и их сыновьям Расселу и Райану,
за вдохновение*

От кого:

От благодарного мальчишки

Глава первая

– Ненавижу это время года, – говорит Рэйчел. – Прости, Сьерра. Понимаю, что тебе уже надоело об этом от меня слышать, но факт остается фактом.

Фасад школьного здания на дальнем конце лужайки окутан утренним туманом. Чтобы не ступать по мокрой траве, мы не сходим с бетонной дорожки, но Рэйчел жалуется не на погоду.

– Не надо, прошу, – отвечаю я. – А то я снова разрыдаюсь. Мне бы только протянуть эту неделю без...

– Но это даже не неделя! – восклицает она. – А два дня! Два дня до Дня Благодарения, и вот ты снова уезжаешь на месяц. Даже больше, чем на месяц!

Не замедляя шага, я обнимаю ее за плечи. Хотя уезжать и проводить каникулы вдали от дома приходится мне, а не ей, ведет она себя так, будто при этом не мой, а *ее* мир переворачивается с ног на голову. Ее хмурое лицо, скорбно опущенные плечи – все это ради меня. Чтобы знала: по мне будут скучать. И каждый год я благодарна ей за это представление. И, хотя мне нравится место, куда мы уезжаем на каникулы, прощаться всегда нелегко. Знать, что мои лучшие друзья считают дни до моего возвращения, заметно облегчает расставание.

Я показываю на слезинку в уголке глаза.

– Видишь, что ты натворила? Я снова реву.

Утром, когда мама везла нас в школу из питомника рождественских елей, небо было почти ясным. В питомнике трудились рабочие, спиливали выросшие за год деревья; далекий визг их бензопил звучал, как комариный писк.

Туман обступил нас, когда мы спустились в низину. Он тянулся до самого города вдоль маленьких ферм и шоссе, соединяющего два соседних штата, и приносил с собой традиционный запах праздника. В это время года весь наш маленький городок в Орегоне пахнет свежеспиленными рождественскими елками. В другое время его пропитывают запахи сладкой кукурузы и сахарной свеклы.

Рэйчел придерживает створку двойной стеклянной двери и провожает меня до шкафчика. И сует мне под нос свои красные часики с блестками.

– У нас еще пятнадцать минут, – говорит она. – Я замерзла и вся заоченела. Выпьем кофе, пока звонок не прозвенел?

Директор школьного театра мисс Ливингстон без обиняков рекомендует ученикам пить как можно больше кофе, чтобы мозги работали и тексты лучше запоминались. За кулисами всегда стоит полный горячий кофейник. Рэйчел – главный художник по декорациям; ей в любое время дня и ночи открыт доступ в актовый зал.

В выходные состоялся последний показ школьного мюзикла – ставили «*Лавку ужасов*»¹. Декорации начнут убирать лишь после каникул, и включив свет, мы с Рэйчел сразу видим их. А еще Элизабет – та сидит на сцене между прилавком цветочного магазина и громадным растением-людоедом. Увидев нас, она выпрямляется и машет нам рукой.

Опережая меня, Рэйчел шагает к сцене.

– В этом году мы решили подарить тебе кое-что. Возьмешь с собой в Калифорнию.

Я следую за ней мимо рядов пустых мягких красных кресел. Они, верно, хотят, чтобы в последние дни я все время ходила в слезах. Поднимаюсь по ступенькам на сцену. Эли-

¹ Мюзикл по «черной» комедии Роджера Кормана 1960 года. По сюжету, сотрудник цветочного магазина находит необычное растение, которое затем оказывается пришельцем из космоса, поедающим людей. *Здесь и далее прим. переводчика.*

забет поднимается, бежит ко мне и обнимает.

– Я была права, – шепчет она Рэйчел поверх моего плеча. – Говорила же – заплачет.

– Ненавижу вас обеих, – бормочу я.

Элизабет вручает мне два подарка в блестящей серебряной рождественской бумаге, и, кажется, я знаю, что внутри. На той неделе мы заходили в сувенирную лавку в центре, и я видела, как они разглядывали фоторамки, по размеру весьма подходящие к таким коробкам. Присаживаюсь, чтобы развернуть подарки, и облокачиваюсь о прилавок, где стоит старинный металлический кассовый аппарат.

Рэйчел садится по-турецки напротив, и наши колени почти соприкасаются.

– Это против правил, – замечаю я, поддевая пальцем сгиб оберточной бумаги на первой коробке. – Подарки дарим лишь после моего возвращения.

– А мы хотели, чтобы у тебя осталось что-то, что будет напоминать о нас каждый день, – отвечает Элизабет.

– Нам даже стыдно, что мы раньше до этого не додумались. В самый первый раз, когда ты уехала. Еще когда ты уехала впервые, – добавляет Рэйчел.

– То есть когда мы еще были совсем малышками?

В мое первое Рождество мама осталась со мной в питомнике, а отец отправился в Калифорнию, где у нас был свой елочный базар. На следующий год мама снова хотела остаться, но папа ни в какую не желал разлучаться с нами. Лучше

уж потерять выручку в этом году, сказал он, и довольствоваться тем, что мы получим от оптовиков. Маме стало жаль тех людей, которые привыкли покупать у нас елки каждый год, ведь для них это было рождественской традицией. И хотя продажа елок была для нас бизнесом – этим занимался еще мой дед, – мама с папой особенно трепетно относились к ежегодным поездкам в Калифорнию. Ведь они и познакомились-то потому, что мамины родители каждый год покупали елку на дедушкином базаре. Так что каждый год со Дня Благодарения до Рождества я живу в Калифорнии.

Рэйчел откидывается назад, опираясь на ладони.

– Твои родители уже решили, что это последняя поездка в Калифорнию?

Я ковыряю клейкую ленту на сгибе.

– Подарок в магазине упаковали?

Обращаясь к Элизабет, Рэйчел шепчет нарочито громко, чтобы я тоже слышала:

– Она пытается сменить тему.

– Извините, – говорю я. – Просто не хочется думать, что этот раз может оказаться последним. Я вас очень люблю, но как мне будет не хватать этих поездок! Правда, я знаю лишь то, что удалось подслушать – родители до сих пор мне ни слова не сказали. Но они очень переживают из-за денег. Не хочу ни о чем думать, пока они не решат.

Если бы нам удалось продержаться еще три сезона, наш елочный базар отметил бы тридцатилетний юбилей. Когда

мои бабушка с дедушкой его купили, в их маленьком городке в Калифорнии совсем не было инфраструктуры. Города в Орегоне находились гораздо ближе к питомнику, но елочных базаров там уже было пруд пруди – возможно, даже слишком много. Теперь же елки можно купить хоть в супермаркете, хоть в хозяйственном магазине. Да и благотворительные елочные базары никто не отменял. Семейные предприятия вроде нашего встречаются все реже. Если мы потеряем базар, нам останется лишь поставлять деревья тем же супермаркетам и благотворителям, или снабжать других продавцов.

Элизабет опустила руку мне на колено.

– С одной стороны, мне хочется, чтобы ты и в следующем году поехала в Калифорнию, ведь я знаю, как тебе там нравится. Но если ты останешься здесь, мы сможем впервые вместе отпраздновать Рождество.

При мысли об этом я улыбнулась. Я люблю своих подруг, но ведь Хизер тоже моя лучшая подруга, а с ней мы видимся всего раз в год и всего месяц, пока я в Калифорнии.

– Мы так давно туда ездим, – отвечаю я. – Не представляю, каково это... вдруг взять и не поехать.

– Я тебе скажу, – оживает Рэйчел. – Представь: выпускной класс. Мы катаемся на лыжах. Нежмся в горячем джакузи. А вокруг снег!

Но я люблю и наш бесснежный калифорнийский городок на побережье в трех часах езды от Сан-Франциско. А еще

люблю продавать елки и каждый год видеть те же лица и те же семьи. Выращивать деревья лишь для того, чтобы их продавали другие – неправильно это.

– Представь, как будет весело! – говорит Рэйчел и, подняв брови, наклоняется ближе. – А теперь представь, что там будут еще и мальчики.

Я прыскаю со смеху и закрываю рот.

– Или нет, – говорит Элизабет, отталкивая Рэйчел. – Мне больше по душе идея девичника. Только мы и никаких парней.

– У меня так каждое Рождество и бывает, – отвечаю я. – Помните прошлый год? Как я осталась без парня вечером накануне отъезда?

– Да, это было ужасно, – кивает Элизабет, но не сдерживается и начинает смеяться. – А потом он привел на зимний бал ту девчонку-хоумскулершу² с огромными буферами и...

Рэйчел прижимает палец к ее губам.

– Думаю, она помнит.

Я опускаю голову и смотрю на свой первый подарок в почти целой упаковке.

– Да я, в общем, его и не виню. Кому нужна любовь на расстоянии в праздник? Мне лично нет.

– Но ты же вроде говорила, что у вас на елочном базаре работает парочка симпатичных ребят? – спрашивает Рэйчел.

² *Хоумскулинг* – домашнее образование. Способ получения знаний на дому с ежегодной обязательной аттестацией в школе.

– Ага. – Я качаю головой. – Но папа в жизни не допустит, чтобы я с кем-то из них закрутила.

– Ладно, хватит разговоров, – говорит Элизабет. – Открывай подарки.

Я тяну за ленту, но в мыслях я уже в Калифорнии. Мы с Хизер дружим с тех пор, как себя помним – в буквальном смысле. Мои бабушка и дедушка с маминой стороны были соседями ее родителей. После смерти стариков мама и папа Хизер стали брать меня к себе на пару часов, чтобы мои родители могли передохнуть. В благодарность мои мама с папой присылали им шикарную елку, несколько рождественских венков и пару рабочих – помочь повесить гирлянду на крыше.

Элизабет вздыхает.

– Подарки. Ну пожалуйста.

Я рву упаковку с одного края.

Девчонки, конечно же, правы. Я бы рада провести в Орегоне хотя бы одну зиму, прежде чем мы окончим школу и разъедемся кто куда. Я же давно мечтала увидеть конкурс ледяных скульптур и все те интересные вещи, о которых слышу только со слов подруг.

Но каникулы в Калифорнии – единственная возможность повидаться с моей *третьей* лучшей подругой. Раньше я звала Хизер «зимней подругой», но давно перестала. Она лучшая, и точка. Прежде мы виделись еще и летом – я по несколько недель гостила у бабушки с дедушкой, но когда те

умерли, это прекратилось. Теперь я переживаю, что не смогу радоваться празднику вместе с Хизер, зная, что в следующем году уже не вернусь.

Рэйчел встает и идет через сцену.

– Принесу кофе.

– Она открывает подарки, – кричит Элизабет ей вслед.

– Пока только *твой*, – откликается Рэйчел. – Мой с красной ленточкой.

В первой рамке, завернутой в упаковку с зеленой ленточкой – селфи Элизабет. Она высунула язык влево, глаза скосила вправо, каждая вторая ее фотография выглядит именно так – за это я ее и люблю.

Прижимаю рамку к груди.

– Спасибо.

– Не за что, – краснея, отвечает Элизабет.

– Открываю твой! – кричу я за сцену.

Рэйчел медленно идет к нам, неся три бумажных стаканчика с обжигающим кофе. Мы разбираем стаканчики. Я ставлю свой рядом, Рэйчел садится напротив, и я разворачиваю ее подарок. Я буду ужасно скучать, пусть мы и расстанемся всего на месяц.

На фото Рэйчел отворачивается и прикрывает свое милое лицо рукой, будто не хочет, чтобы ее фотографировали.

– Пыталась изобразить, что меня преследуют папарацци, – объясняет она. – Типа я знаменитая актриса, выхожу из крутого ресторана. Сзади еще должен идти шкаф-телохрани-

тель, но...

– Но ты не актриса, – возражает Элизабет. – А художник по декорациям.

– Все это – часть моего гениального плана, – парирует Рэйчел. – Знаешь, сколько в мире актрис? Миллионы. И все они из кожи вон лезут, чтобы их заметили. Это ужасно раздражает. А вот я в один прекрасный день буду делать декорации для знаменитого продюсера. Тот посмотрит на меня и сразу поймет, что такую красоту грех прятать по другую сторону камеры. Меня нужно снимать, подумает он. И решит, что открыл мой талант – но я-то буду знать, что на самом деле *заставила* его себя открыть.

– Меня одно тревожит, – замечаю я, – ты, кажется, всерьез веришь, что так будет на самом деле.

Рэйчел прихлебывает из бумажного стаканчика:

– Потому что так все и будет.

И тут звенит первый звонок. Собрав листы серебристой оберточной бумаги, я сминаю их в шарик. Рэйчел относит его и пустые стаканчики из-под кофе в мусорное ведро за кулисами. Элизабет кладет мои рамки в бумажный пакет, закрывает его и передает мне.

– До отъезда, наверное, уже не получится к тебе заглянуть? – спрашивает она.

– Вряд ли, – отвечаю я и вслед за ними спускаюсь со сцены. Мы не спеша идем к выходу. – Сегодня хочу лечь пораньше, чтобы завтра перед школой немного позаниматься.

А рано утром в среду мы уезжаем.

– Во сколько? – спрашивает Рэйчел. – Может, мы...

– В три, – отвечаю я, смеясь. От орегонского питомника до елочного базара в Калифорнии ехать часов семнадцать – чуть больше, если часто останавливаться, чтобы сходить в туалет, или стоять в предпраздничных пробках. – Но если вы не против встать так рано...

– Ничего, – отвечает Элизабет, – мы тебя во сне проводим.

– Все задания собрала? – спрашивает Рэйчел.

– Кажется, да. – Два года назад в нашей школе было по меньшей мере десять таких учеников, как я, – тех, кто уезжал на каникулы. Теперь осталось трое. К счастью, учителя привыкли подстраиваться под графики сбора урожая – в нашем районе много ферм и питомников. – Месье Каппо волнуется, что в Калифорнии мне не с кем будет *pratiquer mon français*³, и мне придется звонить ему раз в неделю и заниматься по телефону.

– Он только по этой причине хочет, чтобы ты ему названивала? – подмигивает Рэйчел.

– Какие грязные у тебя мысли! – отвечаю я.

– Ты забыла, что Сьерре не нравятся взрослые мужики, – говорит Элизабет.

Я смеюсь.

– Ты Пола имеешь в виду? Мы с ним расстались не потому, что он старше, да я с ним только раз и ходила на свиданье.

³ *Pratiquer mon français* (франц.) – практиковать французский.

ние. Его поймали с открытой банкой пива в машине приятеля.

– Справедливости ради замечу, что он был не за рулем, – вступается Рэйчел и поднимает руку, прежде чем я успеваю ответить. – Но я все понимаю. Ты усмотрела в этом признак начинающегося алкоголизма. Или неосмотрительности. Или... чего-то еще.

Элизабет качает головой.

– Нельзя быть такой придирчивой, Сьерра.

Вот вечно Рэйчел и Элизабет доканывают меня, намекая, что я слишком высоко установила планку в отношениях. А я просто вижу, как часто девчонки встречаются с парнями, которые их в грош не ставят. Возможно, не в самом начале отношений, но рано или поздно. Зачем тратить на таких годы, месяцы и даже дни?

У дверей, ведущих в школьный коридор, Элизабет обгоняет нас и поворачивается к нам лицом.

– Пусть я опоздаю на английский, но давайте вместе пообедаем, ладно?

Я улыбаюсь. Мы всегда обедаем вместе.

В коридоре Элизабет исчезает в шумной толпе учеников.

– Нам осталось только два раза вместе пообедать, – говорит Рэйчел и притворяется, что утирает слезы. – А потом все. Кажется, я сейчас...

– Нет! – кричу я. – Не произноси этого вслух!

– Да ладно, не надо за меня переживать, – снисходитель-

но отмахивается Рэйчел. – Мне будет чем заняться, пока ты развлекаешься в Калифорнии. В понедельник начнем разбивать декорации. На это уйдет примерно неделя. Потом мне надо помочь устроителям танцев декорировать школу к зимнему балу. Не театр, конечно, но не люблю, чтобы мой талант простаивал.

– А тему года уже выбрали? – спрашиваю я.

– Снежный Шар Любви, – отвечает она. – Согласна, звучит глупо, но у меня уже есть пара отличных идей. Хочу украсить зал так, чтобы создавалось впечатление, будто ты танцуешь внутри огромного снежного шара. Так что мне есть чем заняться до твоего возвращения.

– Вот видишь? Тебе совсем не придется без меня скучать.

– Точно, – отвечает она и толкает меня локтем на пути в класс. – Зато ты только попробуй не скучать без меня!

Попробую, как же. Скучать без подруг – рождественская традиция. Я всю сознательную жизнь ее соблюдаю.

Глава вторая

Солнце едва поднимается из-за гор, когда я останавливаю папин грузовик на обочине раскисшей от грязи проселочной дороги. Ставлю машину на ручной тормоз и выглядываю из окна. Передо мной открывается любимый вид: в нескольких шагах начинается делянка, усаженная рождественскими елками. Пологие холмы тянутся на несколько километров. Напротив – все те же безбрежные поля. А там, где кончается наш участок, начинаются другие еловые плантации.

Выключив печку и выйдя из машины, с готовностью подставляю лицо колючему холодному ветру. Затягиваю волосы в тугий конский хвост, засовываю кончик хвоста под объемную зимнюю куртку, надеваю на голову капюшон и туго затягиваю шнурок.

Влажный воздух густо пропитан запахом еловой смолы, а тяжелые ботинки вязнут в размякшей земле. Ветки царапают рукава, когда я тянусь в карман за телефоном. Звоню дяде Брюсу и, прижав телефон ухом к плечу, надеваю рабочие перчатки.

Он снимает трубку и отвечает, смеясь.

– Быстро ты приехала, Сьерра!

– Скорость не превышала, – оправдываюсь я. Но, если честно, ехать по грязи и резко выруливать, лавируя на поворотах, так весело, что удержаться невозможно.

– Ничего, детка. Я сам раз двести лихачил на своем грузовичке по этому склону.

– А я видела. Иначе откуда бы узнала, что это так весело? – отвечаю я. – Ладно, я уже почти у первой связки.

– Буду через минуту, – говорит он и даже не успевает повесить трубку, как я слышу рев вертолетного мотора.

Достаю из кармана куртки оранжевый сетчатый спасательный жилет, продеваю руки в отверстия и застегиваю спереди липучку. Теперь дядя Брюс точно заметит меня с воздуха.

Метрах в двухстах визжат бензопилы: рабочие валят деревья, предназначенные на спил в этом году. Два месяца назад мы начали помечать елки, которые хотим спилить. На одну из верхних веток повязывали цветную пластиковую ленту – красную, желтую или голубую, в зависимости от высоты дерева, чтобы перед погрузкой в машины их легче было рассортировать. Деревья без лент оставляли расти.

Вижу, как издали приближается красный вертолет. Мама с папой помогли дяде Брюсу его купить, а взамен он помогает нам с погрузкой урожая. Перевозка по воздуху экономит землю для посадок – не нужно прокладывать сеть мелких подъездных дорог. И деревья прибывают к покупателям более свежими. В оставшееся время дядя организует вертолетные прогулки вдоль скалистого побережья. А бывает, совершает подвиги, спасая заблудившихся туристов.

Спилив четыре-пять елей, рабочие укладывают их ря-

дышком поверх двух толстых канатов – как рельсы на шпалы. Сверху кладут еще деревья, пока не получится связка примерно из десяти елей. Затем канаты стягивают, скрепляют и переходят к следующей связке.

Тут-то и подходит моя очередь.

В прошлом году папа впервые разрешил мне это сделать. Я знала, что у него на языке при этом вертелось: «для пятнадцатилетней девочки эта работа слишком опасна». Но вслух он ничего не сказал, ведь нанимает же он моих одноклассников и разрешает им орудовать бензопилами.

Шум лопастей приближается – они с громким тарахтением рассекают воздух. Мое сердце бьется в такт. Я готовлюсь зацепить первую в этом сезоне связку.

Стою у первой связки, сгибая и разгибая пальцы в перчатках. Окно вертолета бликует на утреннем солнце. Позади машины тянется длинный канат, волоча по небу тяжелый красный крюк.

Вертолет приближается и замедляет ход. Ноги в тяжелых ботинках проваливаются сквозь землю. Над головой жужжат лопасти. *Трат-трат-трат-трат-трат*. Вертолет медленно снижается, и вот уже металлический крюк касается иголок. Поднимаю руку над головой и делаю круговое движение: нужно спуститься чуть ниже. Когда вертолет опускается еще сантиметров на десять, хватаю крюк, поддеваю им канаты и отступаю на два шага назад.

Поднимаю голову и вижу, что дядя Брюс улыбается. По-

даю знак, он жестом сигналил, что все отлично, и набирает высоту. Отрываясь от земли, тяжелая связка подпрыгивает и уплывает прочь.

Над домом висит тонкий месяц. Из окна второго этажа видны окутанные густым сумраком холмы. В детстве я стояла у этого окна и воображала себя капитаном корабля, вглядывающимся в ночной океан, волны которого порой темнее звездного неба над головой.

Из года в год этот вид остается неизменным: все дело в грамотной регуляции численности деревьев. На каждую спиленную ель мы оставляем пять, и место старого дерева занимает новый саженец. Пройдет шесть лет, и старые деревья отправятся кто куда и станут главным символом Рождества в каждом доме.

А у нас другие праздничные традиции – таков уж семейный бизнес. Накануне Дня Благодарения мы с мамой едем на юг, где нас уже ждет папа. В День Благодарения ужинаем с Хизер и ее родителями. А со следующего утра и до самого Сочельника мы продаем елки. В сочельник, падая без ног, дарим друг другу по одному подарку. Больше в нашем передвижном доме – серебристом трейлере – просто не умещается.

Наш деревенский дом построен в 1930-е годы. Деревянные полы и лестницы такие старые, что встать среди ночи и не наделать шуму совершенно невозможно. Но я держусь

того края лестницы, где ступени скрипят меньше всего. Захожу на кухню, делаю три шага... и из гостиной меня окликает мама.

– Сьерра, ты бы хоть пару часов поспала.

Когда папа в отъезде, она всегда засыпает на диване перед включенным телевизором. Романтичная Я верит, что, когда его нет, маме слишком одиноко в супружеской спальне. Неромантичная Я считает, что сон на диване – это такая своеобразная попытка бунта.

Запахнув халат, нахожу разношенные кроссовки у дивана. Мама зевает и тянется к пульту на полу. Выключает телевизор, и в комнате становится темным-темно.

Она включает лампу.

– Куда собралась?

– В теплицу, – отвечаю я. – Хочу елку сюда принести, чтобы не забыть.

Мы не грузим вещи в машину накануне, а сваливаем сумки у двери, чтобы еще раз проверить все перед отъездом. Дорога предстоит долгая: выедем на трассу, и возвращаться будет уже некогда.

– А потом сразу ложись, – говорит мама. У нас с ней одна беда на двоих: когда мы из-за чего-то переживаем, сон не идет.

– А то завтра не разрешу сесть за руль.

Обещаю, что так и сделаю, и закрываю парадную дверь, потуже запахивая халат от ночных сквозняков. В теплице бу-

дет жарко, но я там пробуду совсем недолго – только возьму маленькую елочку, которую недавно пересадила в черное пластиковое ведро. Поставлю елку рядом с чемоданами, а после ужина в честь Дня Благодарения мы с Хизер ее посадим. Тогда у нас будет уже шесть деревьев, приехавших с нашей плантации на гору Кардиналз-Пик. В следующем году мы планировали срубить первое дерево, посаженное шесть лет назад, и подарить родителям Хизер.

Еще одна причина, почему этот год просто не может стать последним.

Глава третья

Снаружи трейлер похож на опрокинутый набок серебристый термос, но внутри мне всегда уютно. С одной стороны к стене прикреплен откидной обеденный столик, а спинка моей кровати играет роль скамейки. На крохотной кухне – раковина, холодильник, плита и микроволновка. Ванная кажется с каждым годом все меньше, хотя родители установили душевую кабину побольше прежней. Раньше без предварительной разминки нельзя было даже наклониться и вымыть ноги! Напротив кровати – дверь в мамину и папину комнату. Там стоит кровать, маленький шкаф и скамейка для ног. Сейчас дверь в их комнату закрыта, но я слышу, как за ней посапывает мама, отдыхая после долгого переезда.

Изножье моей кровати упирается в кухонный шкаф; над ним висит деревянный навесной шкафчик. Втыкаю в него большую белую кнопку. На столе лежат фотографии Рэйчел и Элизабет в рамках. Я связала их блестящей зеленой лентой, чтобы повесить одну над другой. Делаю петлю на конце ленточки и прикрепляю кнопкой. Теперь буду видеть своих подруг каждый день.

– Добро пожаловать в Калифорнию, – говорю я им.

Потом наклоняюсь к изголовью кровати и раздвигаю занавески.

Тут прямо мне в окно падает елка, и я вскрикиваю. Игол-

ки царапают стекло. Кто-то пытается выпрямить дерево.

Из-за ветвей выглядывает Эндрю – хочет убедиться, что не разбил окно. Увидев меня, заливается краской, а я смотрю вниз – удостовериться, надета ли на мне блузка. Все эти годы я частенько расхаживала по трейлеру в одном полотенце после утреннего душа, забывая о том, что прямо за окном работает куча старшекласников.

В прошлом году Эндрю стал первым и последним парнем, пригласившим меня на свидание здесь, в Калифорнии. Он написал записку и прикрепил ее к моему окну. Наверное, ему казалось, что мне это покажется милым, но у меня из головы не шла картина: он крадется на цыпочках в темноте в каких-то сантиметрах от того места, где я сплю. К счастью, я смогла придумать отговорку: мол, встречаться с сотрудниками не слишком благоразумно. По правде, этого правила не существует как такового, но родители пару раз заводили разговор о том, как неловко потом будет всем – ведь мы, как-никак, работаем вместе.

Мама с папой познакомились, когда им было столько лет, сколько сейчас мне. Папа тогда работал с родителями на этом самом елочном базаре. А мама с родителями жила в нескольких кварталах отсюда. Как-то зимой они по уши влюбились друг в друга, и летом отец вернулся – якобы в бейсбольный лагерь. А когда они поженились и взяли управление базаром на себя, то стали приглашать ребят из школьной бейсбольной команды, которые хотели подзаработать на

праздники. Пока я была маленькой, это не было проблемой, но когда подросла, родители повесили в трейлере новые, более плотные занавески.

Я не слышу голоса Эндрю через окно, но по движению губ понимаю, что он извиняется. Ему наконец удастся выровнять елку; он отодвигает подставку на пару шагов назад, чтобы нижние ветки не задевали соседние деревья.

Я не из тех, кто считает, что прошлогодний конфуз может помешать дружбе, поэтому приоткрываю окно и спрашиваю:

– В этом году опять решил поработать у нас?

Эндрю оглядывается – удостовериться, что я обращаюсь именно к нему. Затем поворачивается ко мне и убирает руки в карманы.

– Рад тебя снова видеть, – отвечает он.

Хорошо, когда рабочие возвращаются на следующий сезон, но я осторожна и не хочу подавать ему напрасных надежд.

– Говорят, другие ребята из команды тоже остались на этот сезон?

Эндрю принимается изучать ближайшую елку и срывает пару иголок.

– Угу, – отвечает он, обиженно бросает иголки в грязь и уходит.

Не желая из-за него расстраиваться, опускаю окно и закрываю глаза. Воздух здесь другой, не такой, как дома, но чем-то похож. А вот пейзажи не имеют ничего общего с Оре-

гоном. Никаких тебе бескрайних еловых плантаций – деревья стоят в металлических подставках на утрамбованной земле. Никаких безбрежных деревенских просторов до самого горизонта – всего полгектара земли, упирающейся в бульвар Оук. Напротив – безлюдная парковка у супермаркета. Сегодня День Благодарения, и магазин Макгрегора закрылся рано.

Магазин Макгрегора стоял на этом месте задолго до того, как открылся наш елочный базар. Теперь это единственный несетевой супермаркет в городе. В прошлом году хозяин признался родителям, что, возможно, на следующий год прикроет лавочку. Пару недель назад, когда папа позвонил сообщить, что доехал благополучно, я первым делом спросила: на месте ли старый магазин? В детстве я так любила, когда мама с папой в перерыв водили меня туда за покупками. Прошли годы, и мне стали давать список, чтобы я ходила за покупками через дорогу. Теперь же в мои обязанности входит и составление списка, и покупки.

По асфальтовой парковке движется белая машина – видимо, водитель хочет удостовериться, что магазин действительно закрыт. У входа автомобиль замедляет ход, затем прибавляет скорость и выезжает обратно на дорогу.

Папа кричит из-за деревьев:

– Клюквенный соус забыл!

Ребята смеются.

Каждый год накануне Дня Благодарения папа подтруни-

вает над несчастными автомобилистами, уезжающими с парковки. «*Что за День Благодарения без тыквенного пирога?*» Или: «*Кажется, кто-то начинку забыл!*» И ребята всегда смеются над его шутками.

Двое парней проносят мимо трейлера большую елку. Один держится за густые ветки ближе к середине ствола, второй идет сзади и придерживает за ствол. Они останавливаются, и первый меняет хват. Второй ждет, смотрит на трейлер, и наши взгляды встречаются. Парень улыбается, а потом шепчет что-то своему приятелю – что именно, не слышу. Но тот тоже поворачивает голову и смотрит на меня.

Мне тут же хочется удостовериться, не растрепались ли волосы, хотя зачем, спрашивается, мне пытаться произвести на них впечатление (ну и что, что они жутко симпатичные)? Вежливо машу рукой и отхожу от окна.

Снаружи кто-то вытирает подошвы о металлические ступени. С тех пор как папа расчистил место для базара, дождей еще не было, но земля часто бывает влажной. Три раза в день подставки для елок наполняют водой, а иголки опрыскивают.

– Тук-тук!

Я отпираю задвижку, и тут в дверь с визгом врывается Хизер. Она кидается мне на шею; при этом ее темные кудряшки подпрыгивают. Я смеюсь такому громкому проявлению чувств и бегу за ней в трейлер. Опустившись на колени у кровати, она разглядывает фотографии Рэйчел и Элизабет.

– Вручили мне перед отъездом, – объясняю я.

Хизер касается верхней фотографии.

– Это Рэйчел, да? Это она типа прячется от папарацци?

– О, она бы обрадовалась, узнав, что ты сразу догадалась, – отвечаю я.

Хизер подбирается к окошку и выглядывает на улицу. Стучит кончиком пальца по стеклу, и один из ребят из бейсбольной команды поворачивает голову. В руках у него картонная коробка с надписью «омела». Он несет ее в бело-зеленый шатер, который мы называем «конторой». Оттуда мы звоним покупателям, там же продаем другие сопутствующие товары и елки, присыпанные искусственным снегом.

Не глядя на меня, Хизер спрашивает:

– Уже видела, какие красавчики в этом году в бейсбольной команде?

Конечно, видела – и как бы мне теперь это разведеть! Стоит папе лишь заподозрить, что я кокетничаю с кем-то из рабочих, и он отправит беднягу вычищать уличные туалеты в надежде, что вонь меня отпугнет. Зря он так думает, кстати. Не отпугнет.

Впрочем, мне совсем не хочется встречаться ни с кем из местных, и неважно, работает он у нас или нет. Зачем отдавать кому-то свое сердце, если в утро Рождества нам все равно суждено расстаться?

Глава четвертая

Мы обедаем за праздничным столом, и папа Хизер шутит, что «теперь можно укладываться в спячку» (мы слышим эту шутку каждый год). Потом все расходится по своим обычным делам. Папы – убирать и мыть посуду. Хотя на самом деле они вызвались убираться, чтобы урвать еще по кусочку индейки. Мамы – в гараж за коробками с елочными игрушками. У мамы Хизер с игрушками всегда перебор. Сама Хизер бежит наверх за фонариками, а я жду ее внизу.

Я тихонько достаю из шкафа у двери мамину темно-зеленую кофту с ярко-желтой надписью «ДРОВОСЕКИ» на груди. «Дровосеки» – мамина университетская бейсбольная команда. Натягиваю кофту через голову, и тут открывается дверь кухни. Мамы вернулись. Посматриваю на лестницу – где же Хизер? Мы хотели смыться до прихода мам, а то еще заставят нас украшать елку.

– Сьерра? – зовет мама.

Достаю волосы из-под воротника и кричу:

– Мы уже уходим!

Мама несет большой ящик из прозрачного пластика. В нем куча завернутых в газеты игрушек.

– Можно взять твою кофту? – спрашиваю я. – А ты можешь надеть мою.

– Нет, твоя слишком тонкая.

– Но вы не будете долго на улице, – говорю я. – К тому же не так уж холодно.

– К тому же, – саркастически передразнивает мама, – надо было раньше думать.

Я стягиваю кофту, но мама меня останавливает.

– Надеюсь, в следующем году вы останетесь и поможете... – Она осекается.

Я смотрю на лестницу. Мама не в курсе, что я подслушала их с папой разговор и знаю, что они обсуждали закрытие базара с дядей Брюсом. Из обсуждения я поняла, что вопрос о закрытии встал еще пару лет назад, но родители надеялись, что все наладится.

Мама ставит ящик на ковер в гостиной и открывает крышку.

– Конечно, – говорю я. – В следующем году обязательно поможем.

Хизер вприпрыжку спускается по лестнице. На ней выцветшая красная толстовка, которую она надевает лишь раз в году – в День Благодарения. Рукава обтрепались, горловина растянута. Эту кофту мы купили в секонд-хенде после похорон моего дедушки. В тот день мама Хизер повела нас по магазинам, чтобы хоть как-то меня утешить. Глядя на Хизер в этой кофте, я чувствую светлую грусть и понимаю, как скучаю по бабушке и дедушке, приезжая в Калифорнию. И какая хорошая у меня подруга.

Спустившись, Хизер протягивает мне два маленьких фо-

нарика на выбор: фиолетовый и голубой. Беру фиолетовый и кладу в карман.

Мама разворачивает газету и достает свечу в виде снеговика. У матери Хизер есть план украшения дома; если в этом году она не решила его изменить, эта свеча окажется в ванной на первом этаже. Фитиль почернел: в прошлом году папа Хизер на минутку зажег свечу. Но едва заслышав запах плавящегося воска, ее мама принялась колотить в дверь ванной и требовать, чтобы он затушил пламя. «Это декоративная свеча! – кричала она. – Декоративные свечи не зажигают!»

Мама заглядывает на кухню, а потом поворачивается к нам.

– Вам лучше поторопиться, – шепчет она и говорит Хизер: – Твоя мама ищет свитер, который связала для конкурса дурацких рождественских свитеров. Говорит, ее работа вне конкуренции.

– Неужели настолько дурацкий? – спрашиваю я.

Хизер морщит нос.

– Если она не победит, то судьи просто не понимают значение слова «дурацкий».

Тут дверь кухни открывается, и мы выбегаем на улицу, громко захлопнув за собой входную дверь.

У двери стоит маленькая елочка, которую я принесла с базара. Я достала ее из пластикового ведерка и обернула корни грубой мешковиной.

– Давай первую половину пути я понесу, – говорит Хизер,

берет сверток размером с баскетбольный мяч и кладет на руку, как младенца. – А тыхвати лопатку.

Беру садовую лопатку, и мы идем.

На середине пути вверх по склону горы Хизер предлагает поменяться. Я кладу фонарик в карман и забираю у нее деревце.

– Держишь? – спрашивает она. Я киваю, и она берет у меня лопату.

Берусь за дерево покрепче, и мы продолжаем взбираться по склону. Местные любовно называют Кардиналз-Пик «горой». Мы идем по протоптанной дорожке, которая три раза огибает гору и ведет к вершине. Луна как обрезок ногтя – едва освещает склон. За поворотом без фонариков уже не обойтись. А пока мы светим по сторонам и отпугиваем копошащееся в кустах мелкое зверье.

– Так, значит, встречаться с парнями, которые работают на базаре, тебе нельзя, – рассуждает Хизер, словно продолжая прерванный разговор, над которым она долго размышляла. – Тогда давай вместе придумаем, с кем бы еще ты могла... ну... провести время.

Я смеюсь, незаметно достаю фонарик из заднего кармана и свечу ей в лицо.

– О! Да ты, я смотрю, не шутишь!

– Не шучу!

– Ну уж нет, – отвечаю я, наблюдая за ее реакцией. – Нет

и еще раз нет! Во-первых, до Рождества у нас куча работы и ноль свободного времени. Во-вторых – и это принципиальный момент! – я живу в трейлере на елочном базаре! Что бы я ни делала, что бы ни сказала, отец всегда в двух шагах.

– Но попробовать все равно стоит, – отвечает она.

Наклоняю елку, чтобы иголки не лезли в лицо.

– И еще. Представь, что бы ты почувствовала, если бы знала, что придется бросить Девона сразу после Рождества? Это же ужасно!

Хизер достает лопатку из заднего кармана и идет дальше, постукивая ею по ноге.

– Ну, раз уж ты об этом заговорила, я, вообще-то, так и планировала.

– Что?!

Она пожимает плечами.

– С твоими-то принципами тебе наверняка покажется ужасным то, что я...

– Почему все считают меня принципиальной? Что это вообще значит?

– Да не ерепенься ты, – смеется Хизер. – Я люблю тебя как раз из-за твоих принципов. У тебя такой крепкий... как это говорится... моральный фундамент, вот. И это здорово. Но девчонка, которая планирует кинуть своего парня сразу после Рождества, рядом с тобой выглядит не лучшим образом. Ну, то есть на твоем фоне.

– Как можно планировать бросить парня за месяц?

– Ну... жестоко было бросать его перед Днем Благодарения, – объясняет Хизер. – Вот сидит он за столом с родными и говорит – что? «Я благодарен за то, что мое сердце разбито»?

Несколько шагов мы молчим, а я обдумываю ее слова.

– Наверное, подходящего момента никогда не представится, но ты права – есть дни, в которые расставаться точно не стоит. Так давно ты это решила?

– Еще на Хэллоуин, – отвечает она. – Но у нас были такие классные костюмы!

Мы сворачиваем за угол, и лунный свет меркнет. Теперь приходится светить прямо под ноги.

– С ним вроде бы все нормально, он хороший парень, – продолжает Хизер. – Иначе я бы не парилась и бросила бы его и в праздник. Он умный, хоть по нему сразу и не скажешь, добрый и милый. Просто иногда он может быть таким занудой! И бестолковым, что ли? Не знаю.

Я никогда не осуждала людей, решивших расстаться. Всем нам нужно разное, и у всех разные потребности. Мейсон, первый парень, с которым я порвала, был умен и не лишен чувства юмора, но не хотел отпускать меня ни на шаг. Поначалу я думала, что это здорово – когда ты нужна кому-то как воздух, но очень быстро эта навязчивость приелась. Чувствовать себя желанной – одно, но когда к тебе липнут – совсем другое.

– А в каком смысле он зануда? – спрашиваю я.

– Сейчас попробую объяснить, – отвечает она. – Представь: даже если бы я попыталась описать тебе степень его занудства, слушать меня было бы интереснее, чем общаться с ним лично.

– Серьезно? Тогда мне не терпится с ним познакомиться.

– Вот поэтому тебе совершенно необходимо завести парня, пока ты здесь, – говорит она. – Тогда мы сможем ходить на свидания вчетвером, и мне не придется умирать со скуки.

Как странно было бы завести роман с кем-то здесь, в Калифорнии, зная о том, что скоро все должно закончиться. Если бы я этого хотела, то в прошлом году согласилась бы встречаться с Эндрю.

– Свидания вчетвером? Я – пас, – говорю я. – Но все равно спасибо за предложение.

– Еще успеешь меня поблагодарить, – замечает она. – Я от тебя не отстану.

Со следующим поворотом мы почти достигаем вершины; сворачиваем с протоптанной дорожки, которая становится все уже, и углубляемся в низкий кустарник. Хизер светит по сторонам. Какой-то зверек улепetyвает прочь. Судя по звуку, кролик.

Еще десять шагов и кустарник редет. В темноте все пять елочек не видны, но когда свет падает на одну из них, на сердце становится так тепло! Хизер медленно переводит фонарик, и я вижу все пять. Мы посадили их на расстоянии полутора метров друг от друга, чтобы тень не падала на сосед-

ние деревья. Самое высокое уже на пару дюймов выше меня, а самое маленькое едва доходит мне до пояса.

– Привет, ребята, – шепчу я, прогуливаясь между ними. Держа новый саженец в руке, поглаживаю свободной рукой иголки.

– Я в прошлые выходные приходила, – говорит Хизер. – Прополола сорняки и разрыхлила землю, чтобы сегодня было полегче.

Ставлю мешок на землю и поворачиваюсь к ней лицом.

– Да ты у нас садовод!

– Это вряд ли, – отвечает она. – Но в прошлом году мы так долго сражались с сорняками в темноте, что я решила...

– Будем считать, что тебе это понравилось, – говорю я. – Какой бы ни была причина, ты не сделала бы это, не будь ты такой прекрасной подругой. Спасибо.

Хизер вежливо кивает и вручает мне лопатку.

Оглядевшись, я нахожу идеальное место. У меня есть правило: новому деревцу – лучший вид на окрестности. Встаю на колени – Хизер уже взрыхлила землю. Выкапываю яму, достаточно большую, чтобы вместить корни.

В последние два года мы по очереди приносили деревца на гору. Теперь здесь моя личная еловая плантация. И частичка меня останется здесь даже после того, как мы вернемся на север.

В голову опять лезут непрощенные мысли: а будет ли у меня возможность в следующем году срубить самое взрослое

дерево?

Я рассчитывала, что этот праздничный сезон будет идеальным, а не обремененным сомнениями. Но теперь везде, во всем, что бы я ни делала, меня подстерегает вопрос: «а что, если...?» Не знаю, как насладиться этими мгновениями, не думая о том, что это в последний раз.

Развязываю шпагат, скрепляющий мешковину вокруг корней. Разворачиваю ткань, стараясь не повредить корни. На них комья земли с нашей плантации в Орегоне.

– Мне будет не хватать этих наших походов, – говорит Хизер.

Ставлю деревце вертикально в яму и раздвигаю корни руками.

Хизер садится на колени рядом и помогает забросать яму землей.

– Хорошо хоть впереди у нас еще год, – произносит она.

Не решаясь взглянуть на нее, высыпаю пригоршню земли ближе к стволу, затем отряхиваю руки и сажусь на землю. Подтянув колени к груди, устремляю взгляд на огни города у подножия темной горы. Пусть каждый год я приезжаю сюда совсем ненадолго, мне кажется, что я здесь выросла. Делаю глубокий выдох.

– В чем дело? – спрашивает Хизер.

Я поднимаю глаза.

– Еще одного года может не быть.

Она, нахмурившись, смотрит на меня, но молчит.

– Родители ничего мне не говорят, – признаюсь я, – но я слышала, как они это обсуждали. Они считают, что тянуть с продажей бизнеса еще один сезон нет смысла.

Теперь уже Хизер смотрит на город.

С такой высоты, да еще в сезон праздников, когда все огни горят, отсюда хорошо виден наш рождественский базар. С завтрашнего дня вокруг него загорится прямоугольник белых фонарей. Но сегодня мой дом – всего лишь темное пятно на длинной улице, освещенной лишь фарами проносящихся мимо автомобилей.

– В этом году станет ясно, – говорю я. – Я знаю, что родители хотят приезжать сюда не меньше моего. А вот Рэйчел и Элизабет, наоборот, обрадуются, если на Рождество я останусь в Орегоне.

Хизер садится рядом на землю.

– Сьерра, ты одна из моих лучших подруг. И я понимаю, что Рэйчел и Элизабет считают так же, поэтому не могу их винить. Но ведь они с тобой весь год. А я уже не могу представить праздники без тебя и твоих родителей.

И мне не хочется терять возможность провести последний праздничный сезон перед колледжем с Хизер. Мы всегда знали, что этот год наступит, и всегда с волнением ждали выпускного класса.

– Я тебя понимаю, – отвечаю я. – Мне, конечно, любопытно, каково это – провести праздники дома, сдавать домашние задания не по Интернету, а лично, и хоть раз в жизни

своими глазами увидеть, что творится в моем родном городе в декабре.

Хизер долго смотрит на звезды.

– Но я буду так по тебе скучать! По тебе и нашим елочкам, – добавляю я и вижу, что она улыбается.

– Может, я приеду к тебе на несколько дней? В кои-то веки навещу тебя в каникулы.

Я кладу голову ей на плечо и смотрю в темноту. Не на город и не на звезды, а куда-то вдаль.

Хизер наклоняется ко мне.

– А давай не будем думать об этом сейчас, – говорит она, и следующие несколько минут мы просто сидим молча.

В конце концов я поворачиваюсь к самому юному деревцу, беру ее за руку, и она помогает мне встать. Я поднимаюсь, но ладонь ее не отпускаю.

– Вот было бы здорово повесить гирлянды на наши елочки, чтобы их было видно снизу.

Какая прекрасная мысль – рассказать о нашей дружбе всему миру! Каждую ночь, раздвинув занавески, я могла бы засыпать, глядя на вершину.

– Но по пути сюда я проверила, – продолжает она. – На горе нет ни одной розетки.

– Природа в этом городе совсем отстала от прогресса, – со смехом отвечаю я.

Глава пятая

Я лежу с закрытыми глазами и слышу, что мама с папой выходят из трейлера и закрывают дверь. Переворачиваюсь на спину и делаю глубокий вдох. Еще пара минут покоя. Потом я встану с кровати, и дни посыплются, как костяшки domino.

В день открытия базара мама всегда просыпается бодрячком. Но я, скорее, как папа. Слышу его тяжелые шаги за окном: он идет в «контору». Там он включит большой серебряный кофейник и поставит греться воду, затем разложит пакетики с чаем и горячим шоколадом, которые мы предлагаем покупателям. Но первая порция горячего кофе пойдет ему в термос.

Выдергиваю из-под себя продолговатую подушку и прижимаю к груди. За последние шесть лет мама Хизер дважды выигрывала конкурс дурацких рождественских свитеров. После конкурса она отрезает у свитеров рукава и делает из них подушки. Зашивает рукав с одной стороны, набивает ватой и заштопывает с другой. Одну подушку оставляет себе, а другую всегда дарит мне.

Поднимаю над головой подушку, которую она вчера мне подарила. Подушка цвета мха с темно-синим прямоугольничком там, где у рукава был локоть. На синем фоне падают снежинки и летит красноносый олень.

Крепко обняв подушку, опять закрываю глаза и слышу, как к трейлеру кто-то подходит.

– Сьерра уже вышла? – спрашивает Эндрю.

– Еще нет, – отвечает папа.

– А, ладно, – говорит Эндрю. – Думал, мы могли бы вместе поработать и управиться быстрее.

Я крепче прижимаю к себе подушку. Еще не хватало, чтобы Эндрю караулил меня снаружи.

– Кажется, она еще спит, – говорит папа. – Но если тебе нечем заняться, проверь, не кончился ли в туалетах дезинфицирующий гель для рук.

Папа в своем репертуаре!

Я стою у входа в контору, еще полусонная, но уже готовая приветствовать первых в этом году покупателей. Из машины выходят мужчина и девочка лет семи. Ласково потрепав малышку по волосам, отец сразу начинает присматривать подходящую елку.

– Как же мне нравится этот запах! – говорит он. Девочка делает шаг вперед. В ее глазах вся милая невинность детства. – Рождеством пахнет!

Рождеством пахнет. Многие говорят это, приезжая сюда. Как будто всю дорогу только и ждут, когда можно будет, наконец, произнести эту фразу.

Папа идет в контору, протиснувшись между двумя благородными елями. Наверное, надеется урвать еще кофе. Но

сначала он здоровается с покупателями и говорит, чтобы обращались к кому-нибудь из нас, если понадобится помощь. Мимо проходит Эндрю в потрепанной кепке с эмблемой «Бульдогов» и с поливочным шлангом через плечо. Говорит покупателям, чтобы подбирали подходящую елку, а он поможет отнести ее в машину. На меня даже не смотрит – а все папа! Я с трудом сдерживаю улыбку.

– Касса готова? – спрашивает папа, наполняя термос.

Я встаю за прилавок, украшенный красной мишурой и свежим остролистом.

– Вот, жду первого клиента.

Папа протягивает мне мою любимую полосатую кружку пастельных цветов. Она похожа на пасхальное яйцо: я решила, что должно быть в конторе хоть что-то не с рождественской символикой. Наливаю себе немного кофе, открываю пакетик с горячим шоколадом и засыпаю в чашку. Развернув полосатый мятный леденец, использую его как ложку.

Облокотившись о прилавок, папа оглядывает товар, выставленный в конторе. С утра он обрызгал несколько елок искусственным снегом, и теперь они белоснежные.

– Думаешь, хватит пока?

Я облизываю шоколад с тающего леденца и бросаю его в чашку.

– Мне кажется, хватит, – отвечаю я и делаю первый глоток. Напоминает по вкусу дешевое мятное мокко, но сгодится.

Наконец, папа с дочкой заходят в контору и останавливаются у кассы.

Перегнувшись через прилавок, спрашиваю девочку:
– Нашла подходящую елку?

Та радостно кивает, и ее личико расплывается в очаровательной улыбке, в которой не хватает одного верхнего зуба.
– Огромную!

Первая продажа в году! Я не в силах сдержать волнение и втайне надеюсь, что этот сезон принесет хорошую прибыль и мы решим остаться здесь еще хотя бы на год.

Папа кидает мне ценник. На улице Эндрю заталкивает елку в большой пластиковый барабан срубом вперед. С противоположной стороны барабана натянута красно-белая сетка. Папа хватается за ствол и вынимает дерево вместе с сеткой; та раскручивается и натягивается вокруг ветвей. Теперь ветви аккуратно прижаты к стволу. Папа и Эндрю закручивают дерево в сетке, отрезают ее с одной стороны и завязывают узлом. Процесс похож на изготовление подушек из рукавов, которые делает мама Хизер; только елка выглядит гораздо симпатичнее.

Я пробиваю первую елку в этом году и желаю покупателям счастливого Рождества.

К обеду ноги устали и ноют от многочасового стояния за кассой и погрузки деревьев. Через несколько дней я привыкну, но сегодня вздыхаю с облегчением, увидев Хизер с паке-

тиком, в котором лежат остатки вчерашнего праздничного ужина. Мама загоняет нас в трейлер, мы садимся за стол, и первое, что делает Хизер – отдергивает занавески.

– Так вид лучше, – говорит она, многозначительно вскинув брови.

Как по заказу мимо проходят двое ребят из бейсбольной команды. У них на плечах огромная елка.

– Бессовестная. – Я разворачиваю сэндвич с индейкой и клюквенным соусом. – Не забывай, до Рождества ты все еще с Девонем.

Она подтягивает ноги, садится по-турецки на лавочку (то есть на мою кровать) и разворачивает свой сэндвич.

– Вчера вечером он позвонил и двадцать минут рассказывал, как ходил на почту.

– Ну не умеет человек вести светские беседы. – Яжимаю плечами, откусываю кусочек и чуть не пищу от удовольствия, почувствовав на языке вкус праздничной индейки.

– Ты не понимаешь. То же самое он мне рассказывал на прошлой неделе, и в тот раз я тоже не поняла, зачем. – Я смеюсь, а она всплескивает руками. – Я серьезно! Зачем мне знать, что в очереди перед ним стояла ворчливая старушка, которая хотела отправить на Аляску коробку устриц? Вот ты хотела бы?

– Отправить на Аляску коробку устриц? – Я наклоняюсь и дергаю ее за локон. – Злюка ты.

– Да нет, просто я честная. Но раз уж мы заговорили о

злюках, – замечает она, – помнишь, ты бросила парня, потому что тот, видите ли, *слишком сильно* был в тебя влюблен? Вот это называется топтать чужие души.

– Мейсон? Да он лип ко мне, как рыба-прилипала! – оправдываюсь я. – Хотел даже приехать сюда на поезде и навестить меня в каникулы. И это в начале лета. Мы на тот момент встречались всего пару недель!

– А, по-моему, это мило, – проговорила Хизер. – Он уже тогда понимал, что не проживет без тебя месяц. Вот бы мне отдохнуть месяцок от Девона и его занудства.

А ведь когда они только начали встречаться, Хизер души в нем не чаяла! И было это всего пару месяцев назад.

– Короче, – говорит она, – вот почему, пока ты здесь, нам нужно ходить на свидания вчетвером. Можем просто тусоваться вместе: тебе необязательно в кого-то влюбляться, ничего такого.

– Хорошо, что предупредила, – отвечаю я. – Спасибо на добром слове.

– Мне хотя бы будет с кем поговорить, кроме него, – умоляет она.

– А я не против третьим лишним на вашем свидании, – заявляю я. – Готова даже помочь, если речь опять пойдет об устрицах. Но никаких новых парней, пожалуйста – в этом году мне и так достаточно переживаний.

Эндрю и еще один парень из бейсбольной команды наблюдают за нами из-за деревьев. Они переговариваются и сме-

ются, а увидев, что мы их заметили, не замолкают и не отворачиваются.

– Они что, смотрят, как мы едим? – спрашиваю я. – Бедняги.

Эндрю посматривает через плечо – небось проверяет, не идет ли мой папа, – а потом машет нам рукой. Я не успеваю решить, помахать ли ему в ответ – папа кричит, чтобы они возвращались к работе. Воспользовавшись моментом, задерживаю шторы.

Хизер поднимает брови.

– Кажется, он все еще к тебе неровно дышит.

Я качаю головой.

– Кого бы я ни выбрала, нас все равно ждут сплошные нервы. Папа будет все время нас пасти. Я не согласна терпеть такие мучения даже ради самого крутого парня на свете. И уж тем более ради того, кто стоит за окном.

Хизер барабанит пальцами по столу.

– Значит, нужен кто-то, кто здесь не работает... кто-то, кого твой папаша не сможет назначить дежурным по туалетам.

– Ты что, не слышала, что я вообще не хочу ни с кем встречаться?

– Слышала, – отвечает Хизер. – Но не обратила внимания. Ну конечно.

– Ладно, допустим, на горизонте возник парень, который мне понравился. Чисто теоретически, потому что этого не

будет. Кто согласится встречаться со мной, зная, что через месяц я навсегда исчезну из его жизни?

– А ты ничего не говори, – отвечает Хизер. – Все равно ничего не изменишь, да к тому же некоторые пары и месяца-то вместе продержаться не могут. Так что, по-моему, тебе не о чем волноваться. Относись к этому, как к курортному роману.

– «Курортному роману»? Ты что, серьезно? – Я закрываю глаза. – Кто-то смотрит слишком много романтических комедий.

– Но ты подумай! Никаких обязательств – ведь ты точно знаешь, когда все закончится. И будет о чем рассказать подругам, когда вернешься домой.

Вижу, что мне ее не переспорить. Хизер даже упрямее Рэйчел – то есть упрямее некуда. Есть только один способ с ней бороться – оттягивать дату этого несчастного двойного свидания как можно дольше, вплоть до самого отъезда.

– Я подумаю, – отвечаю я.

С улицы раздается знакомый женский смех. Я отодвигаю шторку и выглядываю в окно. Это две женщины средних лет из муниципалитета. В руках у них ворох плакатов, и они направляются к конторе.

Заворачиваю остатки сэндвича, чтобы взять с собой, и обнимаю Хизер на прощание.

– Обещаю присмотреть себе рождественского Ромео, но сейчас пора возвращаться к работе.

Хизер заворачивает свой сэндвич и бросает в пакет. Она выходит из трейлера вслед за мной и идет к своей машине.

– Я тебе кого-нибудь присмотрю, – кричит она.

Дамы из муниципалитета стоят у прилавка и разговаривают с мамой. Та, что постарше, с длинной седой косой, демонстрирует плакат, на котором изображен грузовик-мусоровоз, увешанный рождественскими гирляндами.

– Если вы повесите пару этих плакатов у себя, город будет вам очень благодарен! В этом году нас ждет невероятный парад – такого еще никогда не было! Хотим, чтобы все о нем узнали!

– Конечно, – отвечает мама, и дама с косой кладет на прилавок четыре плаката. – Сьерра повесит их после обеда.

Ныряю под прилавок за степлером и выхожу на улицу с плакатами. Разглядываю их внимательно, и меня разбирает смех: не уверена, что мусоровоз в гирляндах привлечет большую толпу! Такое могли придумать только жители маленького городка.

Когда я была помладше, родители Хизер пару раз брали меня на парад, и, должна признать, там было весело. Все, как в старые добрые времена. Теперь я смотрю праздничные парады только по телевизору, и те устраивают в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе. На них редко встретишь шествие Общества мопсовладельцев и Друзей библиотек, или увидишь тракторы, из динамиков которых доносятся рождественские гимны в стиле кантри. Хотя у нас в Орегоне наверняка устраивают

такие же парады.

Я прикрепляю верхние углы последнего плаката к деревянному фонарному столбу у входа на базар. Затем разглаживаю плакат и тут слышу за спиной голос Эндрю:

– Помощь нужна?

У меня опускаются плечи.

– Да нет, справлюсь.

Прикалываю скрепками два нижних угла. Затем отступаю на шаг назад и делаю вид, что изучаю плоды своих трудов, а на самом деле жду, чтобы Эндрю ушел. Но когда оборачиваюсь, то вижу, что он обращался не ко мне, а к очень симпатичному парню, нашему ровеснику. Он сантиметров на десять выше Эндрю, в одной руке у него елка, а другой он откидывает со лба прядь темных волос.

– Спасибо, я справлюсь, – отвечает он, и Эндрю уходит.

А парень смотрит на меня и улыбается. На левой щеке играет прелестная ямочка. Я тут же чувствую, как у меня краснеют щеки, опускаю взгляд и смотрю себе под ноги. В животе ухает, я делаю глубокий вдох и напоминаю себе, что красивая улыбка не говорит о человеке абсолютно ничего.

– Ты здесь работаешь? – Голос у него бархатный, как у певцов на пластинках 1930-х годов, которые бабушка с дедушкой любили ставить в Рождество.

Я поднимаю голову и напускаю на себя деловитый вид.

– Вы нашли подходящую елку?

Он все еще улыбается, и еще эта ямочка... Убираю воло-

сы за уши и заставляю себя смотреть ему в глаза, хотя очень хочется отвести взгляд. А еще я с трудом сдерживаюсь, чтобы не подойти ближе.

– Да, – отвечает он. – Спасибо.

Меня смущает то, как он смотрит на меня – как будто изучает. Я кашляю и отвожу взгляд, а когда поднимаю голову, вижу, что он отвернулся и уходит, неся елку на плече, как будто та ничего не весит.

– Этот оттенок красного тебе идет, Сьерра.

У фонаря материализуется Эндрю; он смотрит на меня и качает головой. Хочется сказать в ответ что-то язвительное, но ко мне еще не вернулся дар речи.

– А ты знала, что ямочки на щеках – это уродство? – продолжает он. – Это значит, что одна из мышц у него на лице недостаточно развита. Жуть, если вдуматься, да?

Переношу вес на другую ногу и окидываю Эндрю взглядом, означающим: «Это все или ты еще что-то хотел сказать?» Видимо, взгляд получается более злым, чем я того хотела, но кто-то должен отрезвить его, а то еще подумает, что ревность повысит его шансы.

Я отношу степлер обратно в контору и жду. Что, если тот парень с ямочками вернется, чтобы купить мишуру или лейку с длинным носиком? А может, ему понадобится гирлянда или омела. Но потом я начинаю чувствовать себя по-дурацки. Ведь я сама назвала Хизер все причины, почему не хочу заводить ни с кем роман. Эти причины были вескими, и за

последние десять минут ничего не изменилось! Я здесь всего на месяц. На месяц! Нет у меня времени и желания с кем-либо связываться.

Но Хизер все-таки удалось сбить меня с толку. Правда, а что плохого в невинном краткосрочном романе? Подруги вечно обвиняют меня в придирчивости. Может, я бы меньше придиралась к недостаткам, если бы знала, что пробуду с кем-то всего пару недель? И если этот кто-то окажется красавчиком с милейшей ямочкой на щеке, тем лучше для него! И для меня.

Вечером посылаю Хизер сообщение: *«И что включает в себя курортный роман?»*

Глава шестая

Солнце едва показалось над горизонтом, но я уже проснулась и вижу, что у меня на телефоне два сообщения.

Первое – от Рэйчел: та жалуется, что подготовка к зимнему балу отнимает очень много сил, в то время как все нормальные люди пишут шпаргалки к экзаменам или покупают подарки к Рождеству. Эх, была бы я в Орегоне, ей не пришлось бы долго убеждать меня ей помочь! Но что я могу сделать, находясь за тысячу километров? Мне, к счастью, не сложно совмещать работу на елочном базаре со школьными заданиями. Учителя присылают мне конспекты и таблицы, а когда покупателей нет, я захожу в Интернет и делаю домашние задания. Конечно, болтать по телефону раз в неделю с месье Каппо – не самое увлекательное занятие на свете, но, по крайней мере, я не забуду, как говорить по-французски.

Сидя на кровати, читаю второе сообщение – от Хизер: *«Пожалуйста, скажи, что ты это серьезно насчет курортного романа. Девон весь вечер описывал мне воображаемую футбольную команду, в которой он «играет». Спаси меня! А не то ему скоро понадобится воображаемая подруга».*

Встаю с кровати и пишу ответ: *«Вчера у нас был один очень симпатичный покупатель».*

Иду в душ, а она отвечает: *«Подробности!»*

И не успеваю я развязать узел на пижамных штанах, как получаю еще одно сообщение: *«Хотя ладно! Расскажешь в обед»*.

Приняв душ, надеваю серую толстовку и джинсы, забираю волосы в высокий хвост и вытягиваю несколько прядей, чтобы они небрежно свисали вокруг лица. Чуть подкрашиваюсь и выхожу в утреннюю прохладу. Мама за прилавком в конторе кладет в кассу мелочь. Увидев меня, показывает на мою кружку, стоящую на прилавке: кофе еще горячий, и из чашки торчит леденец.

– Давно встала? – спрашиваю я.

Она осторожно дует на свой напиток.

– Поспишь тут, когда чей-то телефон все время пищит.

– О. Прости.

Подходит папа и целует нас обоих в щеку.

– Доброе.

– Мы со Сьеррой как раз обсуждали ее эсэмэски, – говорит мама. – Ей-то не нужны обязательные восемь часов сна, чтобы быть красивой, а вот другим...

Папа целует ее в губы.

– И тебе ни к чему.

Мама смеется.

– Кто сказал, что речь обо мне?

Папа потирает седую щетину на подбородке.

– Мы же обсуждали, как важно ей поддерживать связь с подругами, которые остались дома.

Решаю умолчать, что одно из сообщений было от Хизер.

– И правда, – говорит мама и бросает на меня красноречивый взгляд. – Но ты все же попроси своих друзей из Орегона иногда вставать попозже.

Интересно, чем заняты сейчас Рэйчел и Элизабет? Небось висят на телефоне и обсуждают планы на длинные выходные в честь Дня Благодарения.

– Кстати, раз уж речь зашла об Орегоне, – говорю я, – не кажется ли вам, что пора сказать мне, вернемся ли мы сюда в следующем году или нет?

Мама растерянно моргает, поворачивается и смотрит на папу.

Тот делает большой глоток из термоса.

– Подслушивала наши разговоры?

– Не нарочно, случайно услышала, – отвечаю я, закручивая прядь волос. – Так стоит мне волноваться или нет?

Прежде чем ответить, папа делает еще один глоток.

– С плантацией ничего не случится, – говорит он. – На рождественские елки всегда будет спрос, даже если покупать их станут в супермаркетах. Просто, скорее всего, мы не будем продавать их сами.

Мама с беспокойством на лице касается моего плеча.

– Мы сделаем все возможное, чтобы сохранить базар.

– Я не только о себе думаю, – замечаю я. – Конечно, у меня есть личные причины, почему мне хотелось бы сохранить этот елочный базар, но ведь он работает здесь столько лет –

с тех пор, как дедушка его открыл. Вы здесь познакомились. Здесь вся ваша жизнь.

Папа медленно кивает, но пожимает плечами.

– На самом деле, наша жизнь на плантации. Мне всегда казалось, что это предпраздничное время – награда за работу на плантации от зари и до поздней ночи. Смотреть, как люди радуются, когда находят подходящую елку... тяжело будет от этого отказаться.

Вот это меня в родителях и восхищает: для них это не превратилось в бездушный бизнес.

– Люди по-прежнему будут радоваться, – говорит папа, – но только где-то в другом месте...

И кто-то другой будет смотреть на это.

Мама опускает руку, и мы смотрим на папу. Ему будет сложнее всего.

– В последние годы мы с трудом выходили в ноль, – признается папа. – В прошлом году с учетом премий мы даже ушли в минус. Оптовые продажи помогли компенсировать потери. Вся прибыль от оптовиков. Пока мы здесь, твой дядя Брюс работает только с ними. – Он делает еще один глоток. – Не знаю, сколько еще мы протянем, прежде чем придется признать...

Он умолкает, не в силах договорить. А может, ему просто не хочется произносить это вслух.

– Так значит, это действительно может быть наше последнее Рождество в Калифорнии, – говорю я.

Мамино лицо смягчается.

– Мы еще ничего не решили, Сьерра. Но я бы на твоём месте постаралась, чтобы этот год запомнился.

Хизер входит в трейлер с двумя пакетиками лакомых остатков. Глаза у нее горят, и я сразу понимаю: она хочет знать все про того симпатягу, что был здесь вчера. Следом появляется Девон: он не отрывается от телефона. Лицо опущено, но я сразу замечаю, какой он симпатичный.

– Сьерра, это Девон. Девон, это... Девон, подними голову.

Он поднимает голову и улыбается. У него короткие каштановые волосы, круглые щеки, а спокойный взгляд сразу к себе располагает.

– Приятно познакомиться, – говорю я.

– И мне, – отвечает он и удерживает мой взгляд ровно столько, сколько нужно, чтобы не показаться невежливым, а потом снова утыкается в телефон.

Хизер протягивает ему пакет с едой.

– Малыш, иди угости ребят. А потом помоги им грузить деревья или... я не знаю.

Не отрываясь от телефона, Девон берет пакет и выходит из трейлера. Хизер садится напротив меня за стол, а я ставлю ноутбук рядом с собой на подушку.

– Твоих родителей, наверное, не было дома, когда Девон за тобой заехал? – спрашиваю я. Хизер растерянно смотрит на меня, и я показываю на ее волосы. – У тебя волосы сзади

запутались.

Она краснеет и расчесывает пряди рукой.

– А... точно.

– Так значит, у вас с мистером Немногословность дела идут на лад?

– Какое милое прозвище, – отвечает она. – Если уж выбирать между поцелуями и выслушиванием его нудных рассказов, я определенно предпочитаю первое. Целоваться у него явно получается лучше, чем говорить.

Я прыскаю со смеху.

– Знаю, знаю, я просто ужасный человек, – смеется она. – Так расскажи про того парня, который вчера приходил.

– Понятия не имею, кто он. Что тут рассказывать?

– А как выглядит? – Хизер открывает крышку контейнера с салатом из индейки, в котором видны кусочки грецких орехов и черешки сельдерея. Ее родители по-прежнему пытаются утилизировать остатки Дня Благодарения.

– Да я его только минутку видела, – отвечаю я. – Примерно одного возраста с нами. На щеке у него такая ямочка...

Хизер наклоняется вперед и прищуривается.

– И темные волосы? И улыбка, за которую душу продашь? Откуда она знает?

Хизер достает телефон, набирает что-то на клавиатуре и показывает мне фотографию того самого парня, о котором я ей только что рассказывала.

– Это он? – Вид у нее не слишком довольный.

– Как ты поняла?

– Так ты же сразу сказала про ямочку. Это его и выдало. – Она качает головой. – Ну и к тому же я догадливая. Но про-сти, Сьерра, это не вариант. Только не Калевб.

Так значит, его зовут Калевб.

– Но почему?

Она откидывается на стуле и кладет кончики пальцев на стол.

– Просто это не лучший выбор, понимаешь? Давай ко-го-нибудь еще тебе подберем.

Но такой ответ меня не устраивает, и она это знает.

– Ходят слухи... – продолжает она, – всего лишь слухи, но я уверена, что это правда. Короче говоря, был один случай.

– Какой? – Впервые слышу, чтобы она говорила о ком-то так загадочно. Я прямо занервничала.

Она качает головой.

– Не хочу даже вдаваться в подробности. Ненавижу сплет-ничать. Но на двойное свидание я с ним не пойду, это уж точно.

– Давай-ка рассказывай.

– Это все не точно, ясно? Скажу только то, что слышала. – Она смотрит мне в глаза, но я слова не скажу, пока она все не выложит. – Говорят, он напал на свою сестру с ножом.

– Что? – У меня скручивает живот. – Да этот парень... А она жива?

Хизер смеется: то ли из-за выражения полного ужаса на

моем лице, то ли потому, что на самом деле пошутила. Мое сердце по-прежнему бешено бьется, но в конце концов я тоже начинаю смеяться.

– Да нет, он ее не убил, – отвечает Хизер. – Насколько я знаю, с ней все в порядке.

Значит, не пошутила.

– Но она здесь больше не живет, – продолжает Хизер. – Возможно, тот случай тут и ни при чем. Но большинство людей считает, что при чем.

Ложусь на кровать и кладу ладонь на лоб.

– Круто.

Хизер протягивает руку под столом и похлопывает меня по ноге.

– Найдем кого-нибудь еще.

Мне хочется ответить, чтобы она не волновалась. Что меня больше не интересует интрижка на каникулы. Особенно учитывая, что мой радар, похоже, совсем вышел из строя. Единственный парень, который в кои-то веки мне понравился, оказался маньяком с ножом, напавшим на свою сестру.

Доев салат с индейкой, выходим на улицу искать Девона. Мне пора возвращаться к работе. Он сидит за столом для пикника позади конторы, а с ним – несколько ребят. Все едят остатки праздничного ужина, которые принесла Хизер. А еще с ними какая-то очень симпатичная девчонка, которую я раньше не видела. Она сидит совсем рядом с Эндрю.

– Кажется, мы не знакомы, – говорю я. – Я Сьерра.

– А, так это базар твоих родителей? – Она протягивает руку с наманикюренными пальчиками, и я пожимаю ее. – А я Алисса. Зашла пообедать с Эндрю.

Перевожу взгляд на Эндрю. Его лицо заливается всеми оттенками красного. Он пожимает плечами.

– Мы не... ну, то есть...

У девушки вытягивается лицо. Она хватается за сердце и смотрит на Эндрю.

– А вы двое...?

– Нет! – мгновенно отвечаю я.

Не совсем понятно, чего добивается Эндрю. Хочет, чтобы я думала, что у них все несерьезно? А мне, можно подумать, есть дело! Надеюсь, у них все сложится. Может, хоть Алисса поможет ему забыть о чувствах ко мне.

Поворачиваюсь к Хизер.

– Сегодня еще увидимся?

– Мы с Девонем можем заехать за тобой после закрытия, – отвечает она. – Сходим куда-нибудь, попробуем завести новых знакомых... или *знакомого*. Тебе ведь больше одного не надо, так?

Мало того, что Хизер на меня давит, она даже не пытается это скрывать!

– Целый месяц, Сьерра, – говорит она и поднимает бровь. – За месяц что угодно может произойти.

– Только не сегодня, – отвечаю я. – Скоро, но не сегодня.

Однако в последующие дни я не переставая думаю о Ка-

лебе.

Глава седьмая

В будни Хизер почти каждый день заходит ко мне после школы. Иногда становится за прилавок и помогает, если приходят посетители с маленькими детьми. Я отпускаю товар мамам и папам, а она развлекает малышей.

– Вчера спросила Девона, что он хочет в подарок на Рождество, – рассказывает Хизер, стоя у стола с напитками и аккуратно, по одному, накладывая маршмеллоу в горячий шоколад.

– И что он сказал?

– погоди, я считаю. – Положив восемнадцатую зефирку, она делает глоток. – Пожал плечами. Больше из него вытянуть не удалось. Вот я и решила: все к лучшему. Что, если бы он захотел что-нибудь дорогое? А потом спросил бы меня, и мне бы тоже пришлось выбирать дорогой подарок.

– А это проблема, потому что...

– Нельзя же покупать друг другу дорогие вещи прямо перед тем, как я с ним порву!

– Можете сделать подарки своими руками, – предлагаю я. – Или подарить что-то недорогое и чисто символическое.

– Подарок, сделанный с любовью своими руками? Это же еще хуже! – Она подходит к опрысканной ели и осторожно трогает искусственный снег. – Как порвать с человеком, который сам вырезал для тебя фигурку из дерева или что-то

вроде того?

– Все становится слишком запутанным, – заявляю я, достаю из-под прилавка картонную коробку с омелой, расфасованной по пакетикам, и ставлю на табуретку. – Может, лучше порвать с ним прямо сейчас? Ты причинишь ему боль в любом случае.

– Нет, на праздники я его все-таки оставляю. – Сделав еще глоток, она заходит с другой стороны прилавка. – Но нам пора серьезно подумать о кавалере для тебя. Скоро парад, и я хочу пойти на него вчетвером.

Я тянусь через прилавок и пополняю запасы распроданной омелы. Что-то сомневаюсь, что идея с романом на каникулы сработает. Признаюсь, увидев Калеба, я задумалась, но, видимо, я совсем не умею судить о людях.

Хизер смотрит мне прямо в глаза и кивает в сторону парковки.

– Ты только помни об этом, ладно? Потому что вот он идет.

Глаза у меня становятся, как блюдца.

Хизер делает шаг назад и подзывает меня к себе. Я обхожу прилавок, и она показывает мне старый фиолетовый фургон. В кабине пусто.

Если это его фургон, зачем он приехал? Ведь он уже купил елку. Под задним откидным бортом наклейка с эмблемой незнакомой школы.

– Средняя школа Сэйджбраш, где это? – спрашиваю я.

Хизер пожимает плечами. Из-за уха у нее выбивается локон.

В городке шесть начальных школ. Раньше зимой я ходила в ту же школу, что и Хизер. Дальше все начальные объединялись в одну среднюю. Сначала я тоже ходила туда, но в старших классах перешла на онлайн-обучение.

Хизер высматривает его среди елок.

– О! Вон он стоит. Боже, какой красавчик!

– Ага, – произношу я шепотом и стараюсь не смотреть туда, куда смотрит она. Вместо этого ковыряю землю носком ботинка.

Она касается моего локтя и шепчет:

– Он идет сюда! – И не успеваю я ничего ответить, как она прячется в дальнем углу конторы.

Краем глаза вижу фигуру в просвете между двумя деревьями. Кaleb подходит прямо ко мне, сверкая улыбкой с ямочкой.

– Тебя Сьерра зовут?

В ответ я могу лишь кивнуть.

– Значит, это про тебя ребята говорили.

– Что?

Он смеется.

– Или, может, есть еще одна девушка, которая сегодня работает?

– Да нет, здесь только я, – отвечаю я. – Это базар моих родителей. Мы все здесь работаем.

– А, теперь понятно, почему ребята боятся с тобой заговорить, – произносит он. Я молчу, и он продолжает: – Я тут был на днях, помнишь? Ты еще спросила, нужна ли мне помощь.

Не знаю, что на это ответить. Он переминается с ноги на ногу. Я по-прежнему молчу, а он продолжает переминаться, и тут меня чуть не разбирает смех. Не одна я нервничаю, оказывается.

У него за спиной двое ребят из бейсбольной команды подметают опавшие иголки.

Кaleb встает рядом со мной и смотрит, как они работают. Я замираю и приказываю себе не делать шаг в сторону.

– Это правда, что твой отец заставляет их чистить туалеты, если они посмеют с тобой заговорить?

– Он заставляет их делать это, даже если ему *кажется*, что они *хотят* со мной заговорить.

– Ваши туалеты, наверное, очень чистые, – замечает он. Никто еще не пытался охмурить меня разговором о туалетах. Если это у него на уме, конечно.

– Тебе нужна помощь? – спрашиваю я. – Елку ты уже купил...

– Значит, ты меня вспомнила. – Он как-то слишком рад этому.

– Я веду товарный учет, – отвечаю я, тем самым намекая, что вспомнила его исключительно как покупателя. – У меня неплохо получается.

– Ясно. – Он медленно кивает. – И какое именно дерево я купил?

– Благородную ель. – Я понятия не имею, так это или не так.

Но кажется, я угадала.

Я встаю за прилавок. Теперь нас разделяет касса и омела.

– Ты хотел еще что-то купить?

Он протягивает мне ценник с дерева.

– Эта больше предыдущей, так что ребята помогут мне погрузить ее в фургон.

Ловлю себя на мысли, что слишком долго смотрю ему в глаза, и перевожу взгляд на ближайшую полку с товарами.

– А венок тебе не нужен? Они свежие. Или елочные шарики? – Мне хочется поскорее продать ему елку, чтобы он ушел и избавил меня от неловкости. Но одновременно я хочу, чтобы он остался.

Несколько секунд он молчит, и я вынуждена снова взглянуть на него, но он просто рассматривает ассортимент. Может, действительно хочет купить что-то еще? Или просто ищет повод подольше задержаться. Тут он видит стол с напитками и улыбается.

– Я бы не отказался от горячего шоколада.

Он подходит к столу и отделяет один перевернутый бумажный стаканчик от стопки. Чуть дальше, выглядывая из-за присыпанной искусственным снегом елки, стоит Хизер и пьет горячий шоколад. Увидев, что я смотрю на нее, она ка-

чает головой и беззвучно произносит: «Плохая идея». А потом медленно прячется за елку.

Кaleb разворачивает конфету и помешивает ею горячий шоколад. У меня сердце екает. Он отпускает конфетку, но та продолжает по инерции вращаться.

– Я тоже так делаю, – говорю я.

– Еще бы, это же так вкусно.

– Получается как дешевый вариант мокко с мятным сиропом.

Он склоняет голову набок и разглядывает свой шоколад так, будто видит его впервые.

– Можно и так сказать, только это преуменьшает достоинства этого напитка. – Взяв стаканчик другой рукой, он протягивает мне ладонь для рукопожатия.

– Рад познакомиться с тобой официально, Сьерра.

Смотрю на его ладонь, потом на него, колеблясь какую-то долю секунды. И замечаю, что он вдруг как-то сникает. Стоит ли верить слухам, в которых даже Хизер не уверена? Я выше этого. И я жму ему руку.

– Кaleb, верно?

Его улыбка гаснет.

– Кто-то тебе обо мне уже рассказал?

Я замираю. Даже если у нас с ним не будет никакой интрижки на каникулах, он не заслуживает того, чтобы о нем судила девчонка, которая совсем недавно не знала его имени.

– Слышала, как тебя окликнул кто-то из ребят, которые тебе помогали, – отвечаю я.

Он улыбается, но ямочка не появляется.

– Сколько с меня?

Я выбиваю чек, и он достает набитый купюрами бумажник. Протягивает две двадцатки и ворох однодолларовых купюр.

– Не поменял чаевые со вчерашнего вечера, – отвечает он и немного краснеет. На щеке снова появляется ямочка.

Приходится собрать всю силу воли, чтобы не спросить, где он работает, и потом случайно-нарочно не наведаться туда на огонек.

– Нам размен всегда нужен, – отвечаю я, пересчитываю купюры и даю ему пятьдесят центов сдачи.

Он кладет монеты в карман, перестает краснеть, и к нему возвращается уверенность.

– Может, еще как-нибудь увидимся до Рождества?

– Ты знаешь, где меня искать, – отвечаю я. Прозвучало ли это как приглашение? Не уверена. А может, я хотела, чтобы это так прозвучало? Хочу ли я увидеть его снова? Копаться в его делах – не мое дело, но я не могу забыть, как он поник, когда я не сразу пожала ему руку.

Он выходит из конторы, засовывая бумажник в задний карман. Обождав немного, на цыпочках выхожу из-за прилавка и смотрю ему вслед. Он подходит к своему фургону и дает одному из ребят пару долларов чаевых.

Подходит Хизер, и мы вместе смотрим, как Калев и один из рабочих вместе поднимают задний борт.

– По-моему, вам обоим было жутко неловко, – замечает Хизер. – Прости, Сьерра. Зря я тебе рассказала.

– Нет, что-то тут не так, – отвечаю я. – Не знаю, что из этого правда, но у этого парня есть секрет, это точно.

Она смотрит на меня, подняв бровь.

– Он все еще тебе нравится, да? И ты всерьез подумываешь с ним замутить.

Я смеюсь и возвращаюсь на свое место за прилавком.

– Он симпатичный, только и всего. Но я не связываюсь с парнями только по этой причине.

– И правильно, – кивает Хизер, – но вот сколько я тебя знаю, ни разу не видела, чтобы ты испытывала неловкость в присутствии парней. Он первый.

– Он тоже стеснялся!

– Было дело, – отвечает она. – Но из вас двоих ты определенно краснела больше.

После телефонного разговора с месье Каппо и пересказа событий прошлой недели на французском, мама разрешает мне пораньше уйти с работы. Каждый год Хизер устраивает киномарафон с участием своего очередного любимого актера и громадным ведром попкорна. Папа предлагает взять фургон, но я решаю пройтись пешком. Дома я бы ни секунды не раздумывала и взяла бы ключи – холодно ведь. Но здесь

даже в конце ноября на улице довольно приятно.

По пути прохожу мимо второго семейного елочного базара в городке. Их деревья, выставленные рядами, и красно-белый шатер занимают три ряда парковки супермаркета. В предпраздничный сезон я всегда захожу к ним поздороваться. С началом торговли, Хопперов, как и моих родителей, почти всегда можно найти на месте.

Держась за верхние ветки, мистер Хоппер провожает покупателя к стоянке. Протискиваясь между припаркованных автомобилей, подхожу поздороваться первый раз в этом году. Покупатель несет елку за нижнюю часть ствола и кладет свой конец в прицеп фиолетового фургона...

Кaleb?

Мистер Хоппер загружает елку со своей стороны и поворачивается ко мне, а я не успеваю отвернуться.

– Сьерра?

Делаю глубокий выдох и поворачиваюсь к нему. На нем куртка в оранжево-черную клетку и такая же ушанка. Мистер Хоппер подходит ко мне и крепко обнимает. Из-за его плеча поглядываю на Калеба. Тот стоит, облокотившись о фургон. Его глаза мне улыбаются.

Мы с мистером Хоппером коротко обмениваемся новостями, и я обещаю заглянуть к ним еще до Рождества. Он возвращается на базар, а я замечаю, что Кaleb по-прежнему смотрит на меня, попивая что-то из бумажного стаканчика с крышкой.

– Ну, признавайся, что коллекционируешь? – спрашиваю я. – Елки или горячие напитки?

Ямочка на его щеке становится глубже, а я подхожу ближе. Волосы у него растрепаны, как будто ему причесаться некогда – все время таскает елки. Не успевает он ответить на мой вопрос, как мистер Хоппер и один из его рабочих грузят в фургон еще одну ель.

Калёб смотрит на меня и пожимает плечами.

– Нет, правда, зачем тебе столько? – спрашиваю я.

Он как ни в чем не бывало поднимает борт фургона, словно нет ничего странного в том, что я наткнулась на него на другом базаре.

– А ты что тут делаешь, интересно? – он меняет тему. – Присматриваешься к конкурентам?

– В Рождество конкуренции не бывает, – отвечаю я. – Но раз ты такой эксперт, скажи, чей базар лучше?

Он прихлебывает из стаканчика, и я вижу, как ходит ходуном его адамово яблоко, когда он глотает.

– У вашего преимущество, – отвечает он. – У этих ребят мятные леденцы кончились.

– Какое безобразие! – с притворным недовольством восклицаю я.

– И точно! Так что в следующий раз я, пожалуй, приду к вам.

Он делает еще глоток и молчит. Что он хочет сказать, что придет купить еще елку? Значит, у меня еще будет возмож-

ность случайно-нарочно с ним встретиться. Не знаю, как к этому отнестись.

– Зачем покупать несколько елок в один день? – недоумеваю я. – Даже в праздники?

– Отвечая на первый вопрос, – говорит он, – скажу, что я жить не могу без горячего шоколада. Не худшая зависимость на свете, я тебе скажу. Что касается второго... когда у тебя есть фургон, все время найдется кто-то, кто захочет в него что-то погрузить. Например, этим летом я трижды помогал маминим коллегам с переездом.

– Ясно. Значит, ты тот парень, на которого всегда можно рассчитывать? – Я подхожу к одной из елок и тихонько тяну ее за иголки.

Он опирается руками на откидной борт.

– Тебя это удивляет?

Он испытывает меня – знает, что я что-то о нем слышала. И правильно делает. Но я не знаю, что ответить.

– А должно?

Он смотрит на елки в фургоне, и я понимаю, что он разочарован, что я уклонилась от ответа.

– Значит, эти елки – не для тебя, – говорю я.

Он улыбается.

Я придвигаюсь чуть ближе – знаю, что, наверное, этого делать не стоит, но удержаться не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.